

СОЦИАЛЬНОЕ ВЗРОСЛЕНИЕ: БЕССОЗНАТЕЛЬНАЯ ПОТРЕБНОСТЬ В РИТУАЛАХ ИНИЦИАЦИИ

В статье рассматриваются вопросы регуляции процессов социального взросления с использованием ритуалов инициации. Уделяется внимание проблеме интеграции результатов антропологических исследований в социальную психологию, обозначаются перспективы углубленного изучения ритуалов как кросскультурного социального феномена.

Ключевые слова: ритуал инициации, ритуал перехода, социальное взросление, архетип Трикстера, возрастные кризисы.

Острота и актуальность проблемы социального взросления в современной культуре связана с отсутствием полноценного социального регулирования и внятных социальных статусных границ, что порождает стихийные формы реализации бессознательных потребностей, которые часто сопровождаются деструктивным и агрессивным поведением в подростковой и молодежной среде или, скажем, депрессией в зрелом возрасте.

В возрастной психологии традиционно выделяют два основных кризиса личности. Первый – в 3 года, когда решается проблема автономности, выделения себя как отдельного человеческого существа, отделения ребенка от матери. И затем в 12-15 (20) лет, когда происходит формирование эгоидентичности как чувства целостности и непрерывности своего «я», процесс интеграции подростка (юноши) в социальную среду с обретением статуса взрослого, признанного другими и гендерно дифференцируемого (мужчины или женщины).

И если первый кризис обычно проходит в рамках семьи и зависит от особенностей отношения матери и ребенка, то для второго на протяжении очень длительного периода человеческой истории в различных культурах было предусмотрено активное участие тех или иных социальных институтов и наличие специальных ритуалов. Подобные ритуалы получили название *ритуалов перехода* (*ритуалов инициации* как их разновидности), они достаточно детально изучены в антропологии, культурологии, лингвистике, философии.

Результатом прохождения ритуала инициации как перехода из одной возрастной группы в другую является обретение социального статуса, который подразумевает место индивида в данном сообществе, определенное его правами и обязанностями; гендерную дифференциацию; наличие экзистенциального опыта; качественный скачок в развитии самосознания. Подобное интегративное описание и есть основное отличие в точке зрения на социальное взросление как *психологическое событие* в сравнении с другими социологическими параметрами (экономическими, семейными, юридическими и т.п.).

При этом особый интерес представляют латентные, глубинные механизмы «социального взросления» и потребности в ритуале перехода. Еще в начале XX века антропологи обращали внимание на тожде-

ственность процессуальной стороны ритуалов в различных культурах, географически и исторически удаленных друг от друга. Наиболее масштабные сравнения были сделаны с разными целями В. Проппом, М. Эллиаде, К.Г. Юнгом, К. Леви-Строссом [4; 7; 12; 14; 15]. И сейчас внимательный взгляд (при анализе тех или иных социальных и культурных событий, форм деструктивного поведения) выхватывает и обобщает ситуации, смысл которых остается неизменным, идет ли речь о жизни индейского племени в тропических лесах или о подростковой группе в «джунглях» современного мегаполиса.

Последние годы отмечаются увеличением научного интереса к теме ритуалов перехода в философии, лингвистике, культурологии, педагогике. Сюда относятся работы, посвященные социокультурной трансформации ритуалов (Г.М. Федорова), организационно-педагогическим основам использования ритуалов (А.Н. Дупенко), мифологическому контексту ритуалов (Р.И. Некрашевич), ритуалу в современной культуре (А.И. Быкадоров), верификации классической модели ритуала перехода (О.С. Пасічник), межличностным отношениям у подростков (Ф.А. Сидоришин) и др. [1; 3; 5; 6; 8].

В то же время практически отсутствуют серьезные психологические исследования в этой области. Внимание психологов-практиков к этому вопросу ограничивается буквальным перенесением уже готовых схем в коррекционный процесс без глубокого анализа закономерностей и механизмов ритуалов, обеспечивающих переход от одного социального цикла в жизни личности или группы к другому. Поэтому **задачами данной работы** являются поиск психологического языка для описания процесса и результата инициации, в данном случае в контексте формирования бессознательной потребности в подобном ритуале, а также обозначение ряда перспектив социально-психологических исследований в этой области.

Частично дефицит психологической рефлексии восполняется с помощью классических работ К.Г. Юнга, его последователей, а также теории развития Э. Эриксона. Говоря о процессах развития личности, К.Г. Юнг вводит понятие «трансформация». С его помощью он описывает глубокие внутренние изменения, которые, несмотря на индивидуальный контекст, развиваются по

законам «мифа». По сути же, представление о «коллективном бессознательном» является единственной методологической метафорой, позволяющей «объяснить», почему элементы ритуалов инициации так навязчиво продуцируются социумом [14; 15].

Еще одним существенным вкладом юнгианского анализа в эту сферу является интеграция в психологическую науку «архетипа Трикстера». К.Г. Юнг, заимствуя образ у П. Радина, описывает этот архетип как древнюю психологему, соответствующую очень раннему рудиментарному состоянию сознания: это одновременно и сверхчеловек и нечеловек, и божественное существо и животное. Признаки такого состояния: шутство, «карнавальность», трюкачество, нарушение различных социальных и этических норм. Это может выражаться в непристойных шутках и постыдных действиях в святых местах, в дерзких насмешках над властью, в грабеже и обмане. Трикстер часто обладает андрогинной (мужской и женской) природой. И в целом для него характерна амбивалентность: в мифологии, в древних эпических сюжетах, в фольклоре, в литературе и кино он может выступать и в образе бога-демиурга, и героя, и спутника героя, и злодея, и демонического существа, и шута. Пантеон древних и современных трикстерских персонажей впечатляет: Локи, Один, Одиссей, Гермес, Прометей, Дионис... Робин Гуд, Иван-дурак, Ходжа Насреддин... Братец Кролик, Карлсон, Капитан Джек Воробей, Остап Бендер... Появление Трикстера означает новый социальный цикл, акт творения, по К.Г. Юнгу он предвестник «спасителя», он разрушитель старого, он источник Хаоса и Творец одновременно [14]. Продолжает тему инициации в процессе психоанализа Д. Хендерсон, который отождествляет четыре этапа аналитической психологии с этапами архаичных ритуалов [11].

В качестве иллюстрации, почему психологический статус неопита, проходящего ритуал инициации, соответствует архетипу Трикстера, обратимся к ставшему уже классическим труду В. Тернера «Символ и ритуал». Автор, известный антрополог, в начале 50-х гг. несколько лет проводил полевые исследования, изучая жизнь одного из африканских племен. Используя для описания ритуалов перехода трехчастную модель, предложенную А. ван Геннепом еще в начале 20-го века, В. Тернер уделяет внимание центральной стадии процесса – порогу, грани, «límen» (лат.) – подробно анализируя свойства «пороговых» или лиминальных людей как обладающих двойственной природой «ни здесь, ни там, ни то-ни-сё». Он подчеркивает, что их поведение не определяется традициями, законами, условностями, обычаями, а состояние выражается целым набором символов: невидимость, темнота, двуполость, смерть, утробное существование, затмение солнца и луны [9].

«Лиминальные существа, например неопиты в обрядах инициации или совершеннолетия, могут представляться как ничем не владеющие. Они могут наряжаться чудовищами, носить только лохмотья или даже ходить голыми, демонстрируя, что, будучи ли-

минальными, они не имеют статуса, имущества, знаков отличия, секулярной одежды, указывающей на их место или роль, положение в системе родства, короче, ничего, что могло бы выделить их среди других неопитов или иницируемых. Их поведение обычно пассивное или униженное; они должны беспрекословно подчиняться своим наставникам и принимать без жалоб несправедливое наказание. Похоже, что они низведены и принижены до полного единообразия, с тем чтобы обрести новый облик и быть заново сформированными, наделенными новыми силами, которые помогли бы им освоиться с их новым положением в жизни. Между собой неопиты стремятся установить отношения товарищества и равноправия. Секулярные различия в должности и статусе исчезают или гомогенизируются» [9, с. 169].

Большой и хорошо структурированный эмпирический материал о ритуалах перехода в разных этнических группах представлен в работах В. Проппа о морфологии волшебной сказки, а также в многочисленных фундаментальных трудах историка религий М. Элиаде. С опорой на эти исследования можно выделить следующие основные признаки инициации: наличие испытаний (в т.ч. физические страдания, сильная боль, уединение, молчание); символическую смерть переходного объекта с последующим возрождением; половую амбивалентность; создание устойчивых «мужских сообществ», поведение которых не ограничивается социальными нормами («право грабежа»); изменение внешности (переодевание в лохмотья и т.п.) [7; 12]. М. Элиаде также уделяет много внимания мифологическому сознанию. Он считает, что в процессе архаичных инициаций через «проигрывание», актуализацию мифа происходит передача сакральных знаний, благодаря которым подростки становятся «человеческими существами»: они рождаются для социума [12].

Своеобразным мостиком между феноменологией ритуалов перехода, описанных антропологами и этнографами в разных культурах, и необходимостью внесения в эти процессы «психологического языка» является периодизация развития Э. Эриксона. Центральное место в ней отводится промежутку с 12 до 20 лет (с момента завершения младшего школьного возраста до овладения профессией), где кризис разрешается формированием эгоидентичности либо диффузной идентичности. Ценность этого направления в контексте нашей темы заключается в том, что Э. Эриксон делает качественный сдвиг в плоскость «психологического», говоря о психосоциальном моратории, о ролевом смещении, о синдроме патологии эгоидентичности [13].

Описание данного синдрома является хорошим диагностическим инструментом в том случае, когда мы сталкиваемся в консультативной практике с различными вариациями незавершенного кризиса, причем не столько в работе с подростками, сколько в жизненных ситуациях 30-40-летних мужчин и женщин. Собственно говоря, именно Э. Эриксон обраша-

ет внимание на «универсальность» симптомов диффузной идентичности, а также и на то, что «переход» из одного возрастного периода в другой или из одной социальной ситуации в другую подобен прыжку акробата с каната на канат: нужно полностью отказаться от одной точки опоры и найти следующую [13].

Это довольно удачная метафора также хорошо иллюстрирует проблему вырождения ритуалов перехода в европейской культуре, на которую обращал внимание еще Р. Генон. Несмотря на то что большинство религиозных традиций использует в своих обрядах данную ритуальную схему, события, которые при этом происходят, – достаточно формальные, они не приводят к существенным изменениям в мироощущении личности [2]. Это в свою очередь поднимает вопрос «подлинности» ритуалов инициации, когда переход в качественно новое статусное состояние не вызывает сомнений, как прыжок «с одного каната на другой».

То же самое можно сказать и о светских ритуалах: рождественские и новогодние праздники, посвящение в первоклассники и студенты и т.п. Посвящение в студенты, к примеру, «предполагает» новую социальную позицию, которая включает определенную автономность, выраженную познавательную мотивацию, опыт напряженного преодоления трудностей. Эта позиция традиционно формировалась к моменту поступления в ВУЗ и в первый год обучения проверялась на прочность. Сейчас же массово приходится наблюдать совсем иную картину. Можно много дискутировать на тему тех или иных социальных причин, которые «подорвали» сегмент высшего образования, несмотря на «все инновации в этой области». Но это выходит за рамки задач данной статьи, в данном случае мы используем эту ситуацию только как иллюстрацию формальных и ненастоящих ритуалов.

В то же время потребность в ритуалах инициации существует, и если она не организуется структурой, то реализуется стихийно и довольно часто является способом политической или маркетинговой манипуляции. Вот несколько примеров из нашей повседневной жизни:

1. Стремление к экстремальным и порой опасным для жизни ситуациям и испытаниям. К таким, где подлинность чувств и опыта не вызывает сомнения.

2. «Карнавальность» социальных сетей. Первыми покорителями этой интернет-реальности были подростки и юноши 12-20 лет.

3. Трикстерские провокации: «сплясать у входа в храм», «поджарить яичницу на «вечном огне»».

4. Интерес к различным социальным играм, квестам на основе архаичных и мифологических сюжетов, фэнтези. Сюда можно отнести и последователей Дж. Р. Р. Толкиена, и других участников ролевых игр, исторических реконструкций, и любителей книг и фильмов в стиле «фэнтези».

В этом смысле представляется интересным выделение социально-психологических феноменов и закономерностей ритуалов перехода, обеспечивающих социальное взросление с минимальными социальными потерями. Перечислим некоторые особенности ритуалов, которые заслуживают пристального изуче-

ния в данном контексте.

1. Наличие испытания. В архаичных ритуалах речь идет о подлинном испытании, где в той или иной мере переживались бы неподдельное чувство страха, опасность, физические и социальные лишения.

2. Опыт преодоления трудностей, опыт поступка и чувство стабильности и значимости, связанные с этим.

3. Особый экзистенциальный, «священный» опыт, приводящий к качественному скачку в развитии самосознания.

4. Активизация разными способами подкорковых и стволовых отделов мозга как энергетических (в нейропсихологическом смысле) структур, что представляется отдельным интересным механизмом для исследования.

5. Гендерная специфичность подобных ритуалов. С одной стороны, результатом пройденных испытаний является посвящение в «подлинную женственность» и «подлинную мужественность», с другой – специального внимания заслуживает т.н. двуполость неопитов в промежуточный, лиминальный период, а также создание «мужских союзов» как устойчивых юношеских групп.

6. Ролевой и этический мораторий, когда допускалось нарушение неопитами ряда социальных норм.

7. Конкуренция, состязательность, соревнование как публичное событие и в то же время испытание одиночеством, молчанием (немотой).

Помимо описанных выше социально-психологических закономерностей еще одним значимым вопросом является возможность целенаправленной организации подобных ритуалов в современном обществе, разведение понятий жестокости и агрессии, насилия и целесообразности, обозначение границ психосоциального моратория и т.п. В этом смысле важным является создание, поиск и экспертиза различных форм организации жизни в подростковых и юношеских группах с точки зрения их эффективности для преодоления и переориентации агрессивных и деструктивных форм поведения, а также способов педагогического воздействия, адаптированных к современным условиям.

Поэтому заслуживают внимания следующие направления психолого-педагогической работы с подростковой и юношеской группой:

1. Анализ различных технологий, связанных со сменой статуса и наличием испытаний: спортивные соревнования; военизированные игры; путешествия и туризм; формы экстремального опыта: альпинизм, прыжки с парашютом, сплавы по горным рекам; продуктивная производственная деятельность; социальные игры (квесты и т.п.).

2. Уточнение феноменологии стабильности личности в контексте развития самосознания и формирования социальных границ.

3. Использование методов распознавания дезадаптивных вариантов агрессивного поведения.

4. Интеграция в коррекционные программы для подростков нейропсихологических и телесно-ориентированных методов, направленных на оптими-

зацию тонуса, релаксацию, снижение импульсивности и развитие способностей к программированию поведения и деятельности.

5. Развитие рефлексии подростков и юношей в отношении «глубинных», бессознательных потребностей в инициации и способах их реализации.

6. Формирование у психологов и педагогов ин-формационной культуры в отношении ритуалов инициации и навыков их сопровождения.

Таким образом, архаичная символика и архаичный миф, являясь частью нашей повседневной жизни, часто представлены в стихийной форме, поскольку социаль-

ное окружение не предлагает полноценных, а не формальных, ритуалов перехода из одной возрастной группы в другую. Фрагменты древних ритуалов инициаций можно наблюдать в поведении не только подростков и юношей, но и достаточно зрелых людей. Бессознательная потребность в инициации и ритуале, выраженная архетипом Трикстера, может реализовываться в деструктивной форме, а также использоваться для скрытых политических и экономических манипуляций. В то же время адаптивный потенциал ритуалов инициации заслуживает систематического изучения и интеграции в коррекционную и психотерапевтическую практику.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Быкадоров А. И.* Ритуал в современной культуре : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13 / А. И. Быкадоров. – Ростов-на-Дону, 2006. – 150 с.

2. *Генон Р.* Заметки об инициации / Р. Генон // Кризис современного мира. – М. : Эксмо, 2008. – С. 141–442.

3. *Дупенко А. Н.* Организационно-педагогические основы использования ритуалов в современной празднично-обрядовой культуре : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.05 / А. Н. Дупенко. – М., 1999. – 160 с.

4. *Леви-Стросс К.* Структурная антропология / К. Леви-Стросс. – М. : АСТ, 2011. – 541 с.

5. *Некрасевич Р. И.* Ритуал в контексте мифа: теоретический аспект : дис. ... канд. культурол. наук : 24.00.01 / Р. И. Некрасевич. – Кострома, 2003. – 146 с.

6. *Пасічник О. С.* Теорія ритуалів переходу А. ван Геннепа: її зміст та верифікація на прикладі обрядів життєвого циклу : автореф. дис. ... канд. філос. наук : 09.00.11 / О. С. Пасічник. – Київ, 2009. – 18 с.

7. *Пропп В.* Исторические корни волшебной сказки / В. Пропп. – М. : Лабиринт, 2005. – 332 с.

8. *Сидоришин Ф.А.* Психологические инициации как средство повышения эффективности межлично-

стного общения и рефлексии у подростков во временных объединениях (На материале работы психолога в летних лагерях отдыха) : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07 / Ф.А. Сидоришин. – М., 1998. – 195 с.

9. *Тэрнер В.* Символ и ритуал / В. Тэрнер. – М. : Наука, 1983. – 277 с.

10. *Фирсова А.М.* Социокультурная трансформация ритуалов и обрядов инициации в мировой традиции : дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01 / Фирсова А.М. – Н. Новгород, 2005. – 200 с.

11. *Хендерсон Д.* Психологический анализ культурных установок / Д. Хендерсон. – М. : Добросвет, 2007. – 272 с.

12. *Элиаде М.* Аспекты мифа / М. Элиаде. – М. : Академический проект, 2010. – 256 с.

13. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон. – М. : Флинта, 2006. – 342 с.

14. *Юнг К.Г.* Душа и миф. Шесть архетипов / К.Г. Юнг. – М. : АСТ, 2005. – 399 с.

15. *Юнг К.Г.* Символы трансформации / К.Г. Юнг. – М. : АСТ, 2008. – 736 с.

LITERATURE

1. *Bykadorov A. I.* Ritual in contemporary culture : Dis. ... Candidate Philosophy Sciences : 09.00.13 / A. I. Bykadorov. – Rostov-on-Don, 2006. – 150 p.

2. *Genon R.* Notes on the initiation / R. Guenon // The crisis of the modern world. – Moscow, 2008. – PP. 141–442.

3. *Dupenko A. N.* Organizational and pedagogical foundations of the use of rituals in modern festive and ritual culture : Dis. ... Candidate Ped. Sciences / A. N. Dupenko. – Moscow, 1999. – 160 p.

4. *Levi-Strauss C.* Structural Anthropology / C. Levi-Strauss. – Moscow : AST, 2011. – 541 p.

5. *Nekrashevich R. I.* Ritual in the context of the myth: the theoretical aspect : Dis. ... Candidate Kulturolog. Sciences : 24.00.01 / R. I. Nekrashevich. – Kostroma, 2003. – 146 p.

6. *Pasichnik O. S.* Theory rites of passage of A. van Gennep: its meaning and verification of an example life cycle rituals: Thesis ... Candidate Philosophy Sciences: 09.00.11 / O. S. Pasichnik. – Kiev, 2009. – 18 p.

7. *Propp V.* The historical roots of the Fairy-Tale / V. Propp. – Moscow : Labirint, 2005. – 332 p.

8. *Sidorishin F.A.* Psychological initiation as a means

of increasing the effectiveness of interpersonal communication and reflection among adolescents in time associations (Experience of the psychologist in summer camps) : Dis. ... Candidate Psychol. Sciences : 19.00.07 / F.A. Sidorishin. – Moscow, 1998. – 195 p.

9. *Terner V.* The symbol and ritual / V. Terner. – Moscow : Nauka, 1983. – 277 p.

10. *Firsova A.M.* Social and cultural transformation of rituals and rites of initiation in the tradition of the world : Thesis ... Candidate Philosophy. Sciences: 24.00.01 / Firsova A.M. – Nizhny Novgorod, 2005. – 200 p.

11. *Henderson D.* Psychological analysis of cultural attitudes / D. Henderson. – Moscow : Dobrosvet, 2007. – 272 p.

12. *Eliade M.* Aspects of the myth / M. Eliade. – Moscow : Akademicheskii proekt, 2010. – 256 p.

13. *Erikson E.* Identity : Youth and Crisis / E. Erikson. – Moscow : Flinta, 2006. – 342 p.

14. *Yung C.G.* Soul and myth. Six archetypes / C.G. Yung. – Moscow : AST, 2005. – 399 p.

15. *Yung C.G.* Symbols of Transformation / C.G. Yung. – M. : AST, 2008. – 736 p.

О. С. Ісаєнко

СОЦІАЛЬНЕ ДОРОСЛІШАННЯ: НЕСВІДОМА ПОТРЕБА В РИТУАЛІ ІНІЦІАЦІЇ

У статті розглядаються питання регуляції процесів соціального дорослішання з використанням ритуалів ініціації. Приділяється увага проблемі інтеграції результатів антропологічних досліджень у соціальну психологію, позначаються перспективи поглибленого вивчення ритуалів як кросскультурного соціального феномену.

Ключові слова: ритуал ініціації, ритуал переходу, соціальне дорослішання, архетип Трікстера, вікові кризи.

O. S. Isayenko

SOCIAL MATURING: UNCONSCIOUS NEED FOR INITIATION RITUAL

The article investigates the issue on regulation of social maturing via rituals of initiation. Much attention is paid to the problem of integrating results of anthropological research into social psychology. The notion of transformation stage in personal development offered by C.G. Jung and the notion of ego identity crisis suggested by E. Erikson are used as the theories allowing describing the ritual from the psychological point of view. The author describes correspondence of neophyte status in the ritual with the Trickster archetype in the paradigm of the Jungian analysis. The universality of rituals in various cultures is regarded as an unconscious need for initiation. The article suggests some peculiarities of the rituals of initiation: availability of trials, experience of a significant deed, existential experience, gender ambivalence, arousal of subcortical brain divisions, formation of steady men's unions, role and ethical moratorium, competition and rivalry. There have been studied some issues of true and formal rituals of initiation which do not lead to a qualitative change of self-consciousness. The article indicates perspectives of in-depth study of rituals as a cross-cultural and social phenomenon.

Keywords: initiation, a rite of transition, social maturing, Trickster archetype, age crises.

Подано до редакції 18.09.13